

АРХИЕРЕЙ-ПОСЛУШНИК ДЛЯ ТУРКЕСТАНСКОЙ ЕПАРХИИ (К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ МИТРОПОЛИТА НИКАНДРА (ФЕНОМЕНОВА) НА ТАШКЕНТСКУЮ КАФЕДРУ В 1927 ГОДУ)

Е. Е. ОЗМИТЕЛЬ

Аннотация: В статье реконструируется история православной Туркестанской епархии в 1925–1929 гг. с целью дать ответы на следующие вопросы: почему митрополит Сергей (Страгородский) решил сменить ее правящего архиерея — епископа Луку (Войно-Ясенецкого); почему новым Туркестанским архиереем стал митрополит Никандр (Феноменов); что дало это назначение верующим Средней Азии. На основе архивных документов из фонда митрополита Никандра (Феноменова), хранящихся в Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан, а также на основе нарративных источников (мемуары и письма) осмысливаются серьезные проблемы, возникшие в управлении Туркестанской епархией в 1925–1927 гг. Общий в это время для всей Русской Православной Церкви кризис легитимности и легальности церковного управления был вызван репрессивной политикой, грубым вмешательством во внутрицерковные дела органов советской власти, препятствующих среди прочего свободному передвижению архиереев. В Средней Азии этот кризис усугублялся многими специфическими факторами. Временное управление Туркестанской епархией в 1925 г. епископа Сергея (Лаврова), то уклонявшегося в раскол, то возвращавшегося под омофор Патриарха Тихона, деятельность епископа Андрея (Ухтомского), создававшего тайную автокефальную иерархию не только для своей уфимской, но и для туркестанской паствы, стали причиной серьезных конфликтов. Вернувшийся из ссылки в начале 1926 г. епископ Лука пытался восстановить церковное единство за счет примирения враждующих сторон, но не преуспел. Более того, началась жесткая конфронтация епископа Луки и протоиерея Михаила Андреева, и возникло еще несколько разделений православных Ташкента — на партии «лукинистов», «андреевцев» и «вениаминовцев». Ссоры в среде духовенства, неподобающие действия и жалобы прихожан давали обновленцам многочисленные поводы для дискредитации староцерковного духовенства. Митрополит Сергей (Страгородский) с осени 1926 г. несколько раз пытался исправить ситуацию, но ни правящий архиерей, ни ташкентская паства его назначений не признавали. До осени 1927 г. епископ Лука, продолжая титуловаться Ташкентским и Туркестанским, был в отношении к высшему церковному руководству и к делам управления своей епархией в неопределенном состоянии, затем ушел на покой, оставшись проживать в Ташкенте.

После июльской Декларации 1927 г., возможно, под влиянием митрополита Арсения (Стадницкого), епископ Лука, скорее всего, склонялся к тому, чтобы прекратить общение с митрополитом Сергием. Поэтому в сентябре 1927 г. митрополит Сергей, чтобы не потерять Туркестанскую епархию, в очередной раз принял решение о замене ее правящего архиерея. Им согласился стать митрополит Никандр (Феноменов), который, находясь в Ашхабаде после своей второй среднеазиатской ссылки, не имел возможности последовать назначению на Одесскую кафедру. Вступив в управление Туркестанской епархией, митрополит Никандр служил в единственном тогда в Ташкенте Сергиевском храме, сталкиваясь с неприязнью его прихожан, продолжавших считать епископа Луку правящим архиереем. Постепенно митрополиту Никандру удалось примирить враждующие партии, восстановить правильное отношение клира и прихожан к местной и высшей церковной власти, содействовать регистрации приходов, количество которых при нем увеличилось на треть.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь в Средней Азии, Декларация 1927 года, гонения на Церковь в Советском Союзе, ссыльное духовенство в Туркмении и Узбекистане, митрополит Арсений (Стадницкий), митрополит Никандр (Феноменов), архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Дионисий (Прозоровский).

Поставление митрополита Никандра (Феноменова; 1872–1933) на Туркестанскую кафедру было одним из многих в череде назначений заместителя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В 1927 г., особенно после издания им июльской Декларации о полной лояльности высшего церковного руководства советской власти, таких назначений стало особенно много — по подсчетам иерея Александра Мазырина, перемещения коснулись 46 архиереев¹. Митрополит Сергей объяснял: «Перемещены исключительно те Преосвященные, которые... не имели возможности управлять своими епархиями <...> Ныне, в связи с легализацией Патриаршего Синода и с разрешением деятельности митрополита Сергия как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, появилась возможность призвать этих епископов к церковной работе, к управлению епархиями, но в иных местах»². Перемещения архиереев в 1927 г. предпринимались митрополитом Сергием с целью преодоления тех кризисов, которые А. Л. Беглов определил как *кризис легальности* и *кризис легитимности* церковного управления³. Митрополит Сергей пытался восстановить и легализовать каноническую структуру Русской Церкви с целью образования действующих органов высшего и местного церковного управления и созыва Архиерейского Собора для выборов Патриарха.

¹ Мазырин А., свящ. 1927 год в истории Русской Православной Церкви // Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2011. С. 67.

² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 595.

³ Беглов А. Епархии и епископы Российской Церкви в 1927 году, или Почему митрополит Сергей (Страгородский) стал перемещать епархиальных преосвященных? // Альфа и Омега. 2007. № 2(49). С. 169.

Архиерейские назначения с 1927 г. согласовывались с органами госбезопасности (ОГПУ, НКВД) и потому не могли не вызвать смущения, критики и многих сомнений в их целесообразности как у современников, так и у историков. Не все перемещения были связаны с теми архиереями, которые действительно *не имели возможности управлять своими епархиями*. «Примером может служить, — пишет иерей Александр Мазырин, — все тот же епископ Лука. Его перевели из Ташкентской епархии, которой он управлял, с тем чтобы назначить туда митрополита Никандра (Феноменова), а на место последнего, в Одессу, назначался митрополит Иосиф (Петровых). Ничего хорошего из этой архиерейской рокировки не вышло»⁴. Не касаясь истории с ленинградско-одесским перемещением, действительно закончившимся «иосифлянским» разделением, рассмотрим подробнее предысторию и ближайшие последствия ташкентского назначения.

Болезненные проблемы в управлении православными приходами Туркестанской епархии начались конце 1922 г. с внезапным отъездом из Ташкента правящего архиепископа Иннокентия (Пустынского). Ситуация ухудшилась в марте, когда в 1923 г. епархиальное управление и четыре оставшихся ташкентских храма были заняты обновленческим духовенством, а из Туркестанской АССР был выслан правящий архиерей — на тот момент им являлся епископ Лука (Войно-Ясенецкий). Многочисленные ташкентские верующие, сохранявшие верность Патриарху Тихону («тихоновцы», или «староцерковники», как их тогда называли), остались без храмов. Только во второй половине 1924 г. им удалось зарегистрировать две общины, а затем получить разрешение на пользование городской Сергиевской церковью. 25 января 1925 г. Патриарх Тихон назначил ссыльного епископа Черноморского Сергия (Лаврова) викарием Семиреченским и Верненским с обязанностью временно управлять Туркестанской епархией. Так мятущийся епископ Сергей, качнувшись в раскол к обновленцам, потеряв надежду на получение у них Ташкентской кафедры, сумел занять ее как староцерковный архиерей⁵.

Разные уклоны епископа Сергия (Лаврова) в прошлом, заявления в пользу обновленцев уже с Ташкентской кафедры, другие странности в его поведении — все это волновало и возмущало многих «тихоновцев». Как написал епископ Лука, «он скомпрометировал себя в глазах всей ташкентской паствы временным признанием ВЦУ, а затем намерением снять сан и жениться»⁶. Многие священнослужители не признали епископа Сергия своим временным управляющим, за что были им наказаны. В служении были запрещены архимандриты Мелхиседек (Аверченко) и Вениамин (Троицкий), иеромонахи Александр (Неграмотнов) и Аристарх — все уважаемые священники, — и паства их не оставила. Кроме того, у них был идейный вдохновитель — ссыльный епископ Андрей (Ухтомский), проживавший в основном в Ашхабаде и Ташкенте. В Средней Азии он пользо-

⁴ Мазырин А., свящ. Указ соч. С. 70.

⁵ Ходаковская О. И. «Как мелко, глупо то, чего я домогался...» Взлеты и падения епископа Сергия (Лаврова) // Восток свыше. 2016. № 1–2 (XL). С. 19.

⁶ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз.). Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 38. Л. 6. Ссылки на этот доклад епископа Луки митрополиту Сергию, датированный 26 марта 1926 г., здесь и далее приводятся не по оригиналу, а по рукописной карандашной копии, хранящейся в фонде митрополита Никандра (Феноменова).

вался таким авторитетом, что Союз ташкентских приходских советов, созданный в противовес обновленческому епархиальному управлению, еще в 1923 г. избрал его своим руководителем. По сути, епископ Андрей временно возглавил автокефальную тогда Туркестанскую епархию и содействовал назначению для нее архиерея — епископа Луки. И в 1925 г., во время второй своей среднеазиатской ссылки, он, по-видимому, считал епархию автокефальной и готовил для нее духовенство. Только епископу Андрею подчинялся тайно возведенный им в сан архимандрита Вениамин (Троицкий). Также тайно в первой половине 1925 г. при участии епископа Андрея был рукоположен архимандрит Мелхиседек (Аверченко) без назначения на кафедру — «во епископа православных общин Туркестанской епархии»⁷. Скорее всего, верно предположение Р. В. Дорофеева, что «епископ Андрей, вообще склонный вольно обращаться с каноническими нормами, решил поставить альтернативного староцерковного Туркестанского архиерея для всех недовольных личностью епископа Сергия (Лаврова) клириков и мирян»⁸. Епископ Мелхиседек продолжал служить как архимандрит в пос. Черняевском Сырдарьинского округа, не объявляя о своей архиерейской хиротонии. Затем, благодаря епископу Луке, оформил ее канонически и получил возможность в 1926–1929 гг. окормлять православные общины Семиреченской области в качестве Пишпекского викария Туркестанской епархии. Но епископ Андрей и архимандрит Вениамин пошли по другому пути. Епископ Андрей в августе 1925 г. «воссоединился» с ашхабадскими старообрядцами-беглопоповцами и стал резко критиковать местную и высшую церковную власть, а архимандрит Вениамин рассылал послания, которые «обновленцы широко использовали для агитации против нас [«тихоновцев»], а безбожники для издевательства в газетах»⁹. Увещеваниям епископа Луки архимандрит не внимал, попал под его запрет¹⁰, но продолжал совершать богослужения для своей нелегальной общины «вениаминовцев» сначала в Мерве (Туркмения), а затем в Ташкенте, в частном доме на Никольском шоссе. Он пользовался большим авторитетом, и к нему из Сергиевского храма уходили те, кто был недоволен нестроениями в единственной ташкентской общине, а после июля 1927 г. — и те, кто не соглашался с политикой митрополита Сергия¹¹. Так действия епископов Андрея (Ухтомского) и Сергия (Лаврова) раскололи туркестанских «тихоновцев» на несколько независимых общин¹².

⁷ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 38. Л. 8.

⁸ Дорофеев Р. В. Епископ Мелхиседек (Аверченко): Summa доступной информации (рукопись). Библиотека Ташкентской духовной семинарии.

⁹ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 38. Л. 7 об.

¹⁰ Там же. Д. 63. Л. 52 об.

¹¹ Фиолетова Н. Ю. История одной жизни // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. Вып. 9. С. 66–70.

¹² О том, насколько серьезной была угроза «андреевско-вениаминовского» раскола, свидетельствуют дальнейшие события. В начале 1928 г. в Ташкент из Мерва писали, что Григорий Пиотрович, священник зарегистрированной местной общины, поддерживает архимандрита Вениамина, сообщает о его готовящейся хиротонии, и «может случиться, что в один из скверных для нас дней мы, Мервская община, можем очутиться в лоне древле-старообрядческой паствы» (ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 63. Л. 52–52 об.). В августе 1928 г. епископ Вениамин (Троицкий) приезжал окормлять свои туркестанские общины в качестве автокефального Бир-

Обязанности епископа Семиреченского Сергия как временно управляющего Туркестанской епархией продолжались год и закончились в начале 1926 г. с возвращением из ссылки правящего архиерея. «По приезде в Ташкент 8/II, — докладывал епископ Лука, — я нашел тяжелое разделение в православной пастве, дошедшее до непримиримости и даже вражды»¹³. Далее он обсуждал с митрополитом Сергием свои первые шаги по наведению порядка в епархии: «Весьма важно снять запрещения со священников, наложенные преосв[ященным] Сергием [Лавровым] за непризнание его, ибо этих священников считают наиболее стойкими в православии, поэтому я вскоре по приезде добился свидания с преосв[ященным] Сергием, находящимся под арестом уже около двух месяцев, и просил его снять запрещение, но он категорически отказался»¹⁴. В результате этого ходатайства епископа Луки резолюцией митрополита Сергия от 3 апреля 1926 г. запрещение в служении туркестанских клириков было признано наложенным неправильно и отменено, той же резолюцией был запрещен в служении епископ Сергий (Лавров)¹⁵. Кроме того, было образовано Пишпекское викариатство для семиреченских верующих, которые долгое время оставались без православного архиерея.

Восстановить церковное единство и вывести епархию из кризиса епископ Лука пытался за счет примирения враждующих сторон, снисходительно относясь и к епископу Сергию, и к епископу Андрею. Успехом эти попытки епископа Луки не увенчались. Большой авторитет этого великого человека, популярность и некоторые особенности пылкого прямолинейного характера в сочетании с отсутствием архиерейского опыта, разные другие житейские и психологические обстоятельства приводили к тому, что смущение клириков и прихожан только усиливалось.

Ташкентский протоиерей Михаил Андреев, осужденный с епископом Лукой в 1923 г. по одному делу за борьбу с обновленцами, требовал от правящего архиерея срочного размежевания с епископом Сергием, настаивал на необходимости освящения храма, в котором тот служил. Епископ Лука сделать этого не смог. Более того, 20 февраля 1927 г. епископ Сергий опять был в Сергиевском кафедральном храме, заявив с амвона о своем обновленческом выборе, о том, что «право на личную жизнь, на ее устроение должно сделаться неотъемлемым для епископов»¹⁶. Из-за этого вне Сергиевского храма, без общения с епископом Лукой остались архимандрит Вениамин (Троицкий) и иеромонах Александр (Неграмотнов) со своими прихожанами, а протоиерей Михаил стал обо всем этом писать митрополиту Сергию. В ответ епископ Лука назвал его «главным раскольником», запретил в служении и объявил, что все его действия «являются безблагодатными и все имеющие молитвенное общение с ним... миряне —

ского викария Уфимской епархии «андреевского течения» (Зимина Н. П. Викарии Уфимской епархии 1920-х годов: священномученик Вениамин (Троицкий; 1901–1937) // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы. М., 2004. С. 323–349).

¹³ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 6 об.

¹⁵ Там же. Л. 9–9 об.

¹⁶ Ходаковская О. И. Указ. соч. С. 21.

отлучаются от церкви»¹⁷. Протоиерей Михаил совершал службы на террасе своего дома, не поминая епископа Луку, и продолжал «искать правду». У епископа Луки было законное архиерейское право и почитание прихожан — за ним пошло духовенство Сергиевского храма и большинство ташкентской и пригородной паствы. За протоиереем Михаилом — формальная правота, несколько священников, наказанных епископом Сергием, и интриги ГПУ. Так в епархии произошло еще одно, вызванное конфликтом двух бывших соратников и союзников, разделение — на партии «лукинистов» и «андреевцев». Ссора была публичной, приводила стороны к открытым взаимным обвинениям в ереси и обновленчестве, к другим скандальным поступкам прихожан. Не будем здесь далее описывать этот конфликт, так как опубликованы и источники по этой проблеме¹⁸, и ее исследования¹⁹. Как бы ни интерпретировать эту ссору, нельзя не признать, что сам факт затянувшегося на несколько лет противостояния доказывает, что правящему архиерею не удавалось восстановить порядок и взаимопонимание в епархии. Кризис углублялся, епархиальное управление не действовало, многие архиерейские вопросы решались самовольно группами активных прихожан посредством неподобающих действий, что давало обновленцам многочисленные поводы для дискредитации староцерковного духовенства.

Митрополит Сергей (Страгородский), находясь в переписке с епископом Лукой, протоиереем Михаилом Андреевым и получая жалобы от представителей всех партий, был хорошо осведомлен о причинах, развитии и тяжелых последствиях этого конфликта. В первый раз он попытался исправить ситуацию осенью 1926 г., восстановив в служении протоиерея Михаила и переместив епископа Луку из Ташкента в Рыльск на место викария Курского епископа²⁰. Позже в докладе митрополиту Никандру протоиерей Михаил Андреев описывал эти события: «Распоряжением высшей церковной власти Е[пископ] Лука получил другое назначение и управляющим Семиреченской и Туркестанской епархиями был назначен Архиеп[ископ] Дионисий»²¹. Речь идет об архиепископе Оренбург-

¹⁷ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 53. С. 7 об.

¹⁸ См.: Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. «Я полюбил страдание...»: Автобиография. М., 1998. С. 66–67; Андреев М., прот. «Мы уйдем из храмов наших...» // Восток свыше. Ташкент, 2003. Вып. 6. С. 48–55.

¹⁹ См.: Ходаковская О. И. Указ. соч. С. 20–22; Патрахин Л., прот., Лай П., прот. По стопам Апостола Фомы. Воронеж, 2009. С. 120–123, 370–371; Владимир (Иким), митрополит. По стопам апостола Фомы: Христианство в Центральной Азии. М., С. 605–613.

²⁰ Затем последовали назначения на Елецкую и Ижевскую кафедры, упомянутые именно в таком порядке архиепископом Лукой как появившиеся одно за другим сразу после Рыльского: «В сентябре того же [1926] года я получил три быстро следовавших один за другим указа...» (Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.). Указ соч. С. 67). Однако между назначениями в Рыльск и Елец прошел год. Время назначения епископа Луки на Ижевскую кафедру установить не удается. Это могло произойти либо до, либо после назначения в Ижевск в сентябре 1926 г. епископа Виктора (Островидова). Скорее всего, попытка переместить епископа Луку на Ижевскую кафедру была сделана после июля 1927 г., когда епископ Виктор, выступивший с резкой критикой Декларации, был перемещен с Ижевской кафедры на должность епископа Шадринского, то есть до назначения епископа Луки 5 октября 1927 г. в Елец. Ни одно из этих назначений епископ Лука не принял и Ташкент до 1931 г. не покидал.

²¹ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 53. Л. 8 об.

ском Дионисии (Прозоровском), который в ноябре 1926 г. приехал в Ташкент в качестве нового временного управляющего епархией. Н. П. Зими́на, автор биографий архиепископа Дионисия, с сомнением предполагает, что в Ташкенте он был в ссылке²². Сомнение оправданно — пробыв в Ташкенте всего полгода, архиепископ Дионисий вернулся в Нижний Новгород — этот факт не укладывается в представление об обычных для того времени условиях перемещения ссыльных архиереев. Скорее всего, архиепископ Дионисий, этот умный, деятельный, настойчивый человек, был послан митрополитом Сергием в Ташкент для разрешения конфликта и организации епархиального управления. В начале 1920-х гг., оставшись викарием при отсутствующем правящем архиерее, он сумел сохранить церковную жизнь в Оренбургской епархии. В Ташкенте же священники и миряне, распорядившиеся при епископе Луке Сергиевской церковью, архиепископа Дионисия в храм не пустили. Об этих событиях мы узнаем из того же доклада протоиерея Михаила Андреева: «21 ноября 1926 года Архиепископ Дионисий приехал в Ташкент, явился с визитом к Е[пископу] Луке и был здесь тяжело оскорблен. В присутствии Е[пископа] Луки председатель приходского совета грубо сказал В[ладыке] Дионисию, “если только Вы придете в наш храм, то мы закидаем Вас гнилыми яблоками и тухлыми яйцами”, а священник, ближайший сотрудник Е[пископа] Луки, добавил... что он [архиепископ Дионисий] войдет в храм только с нарядом милиции»²³. Сам епископ Лука, не принимая перевода на Рыльскую кафедру, как бы не обращал внимания на назначение вместо него нового временного управляющего — в его воспоминаниях об этом факте нет ни слова. Были случаи, когда епископ Лука не поминал митрополита Сергия: «“Я не получил от него (Митр[ополита] Сергия) официального извещения о вступлении в должность” — возражал Е[пископ] Лука на укоризны к нему за отказ в поминовании»²⁴. По словам самого епископа Луки, не принимая назначений митрополита Сергия, он следовал совету митрополита Арсения (Стадницкого): «Я хотел безропотно подчиниться этим переводам, но митрополит Новгородский Арсений... бывший в большой дружбе со мной и моими детьми, настойчиво советовал мне никуда не ехать, а подать прошение об увольнении на покой»²⁵. Скорее всего, в 1926 г. отказ от назначения в Рыльск был сделан епископом Лукой без прямого участия митрополита Арсения, который в это время находился в Красноводске (Туркмения)²⁶. Игнорирование высшего церковного управления могло быть вызвано тем, что митрополит Сергей был арестован в конце 1926 г. и не управлял Церковью вплоть до апреля 1927 г. — как раз в тот период, когда архиепископ Дионисий находился в Ташкенте.

После отъезда архиепископа Дионисия ситуация в епархиальном управлении оставалась кризисной. Преосвященный Лука титуловался епископом Таш-

²² Зими́на Н. П. Непарадный портрет: Архиепископ Дионисий (Прозоровский) в духовной истории России XX в. // Уральские Бирюковские чтения. Челябинск, 2006. Вып. 4. Ч. 2. С. 356–362.

²³ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 53. Л. 8 об.

²⁴ Там же. Л. 8.

²⁵ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Указ. соч. С. 67.

²⁶ О скитаниях митрополита Арсения по Средней Азии и его роли в истории с перемещениями епископа Луки речь пойдет ниже.

кентским и Туркестанским, но управлял ли он епархией и когда ушел на покой, выяснить трудно, так как сведения за весну—лето 1927 г. крайне противоречивы. Один пример: 8 апреля 1927 г. епископ Лука назначил протоиерея Дмитрия Терпигорева настоятелем староцерковной Георгиевской церкви Самарканда²⁷. И тогда же, в начале апреля, он отвечал обновленческому благочинному того же Самарканда, который жаловался ему на поведение местного староцерковного священника: «Не только налагать взыскания на кого-либо, но даже отдавать какие-либо распоряжения или указания я не могу, ибо лишен всяких прав по управлению Туркестанской епархией»²⁸. Возможно, он не один раз объявлял о том, что оставляет кафедру.

В это смутное время епископом Лукой были допущены некоторые просчеты в делах церковного управления: он разрешил служить находящемуся под запретом епископу Андрею (Ухтомскому), постриг в монашество запрещенного в служении женатого священника чужой епархии, рукоположил мирянина, самочинно совершавшего таинства. Было и многое другое, о чем протоиерей Михаил Андреев усердно собирал сведения, донося их по разным инстанциям²⁹. Но, несмотря на непослушание высшей церковной власти и архиерейские ошибки, отношение митрополита Сергия к епископу Луке всегда было почтительным, терпеливым и деликатным. Признавая исключительные достоинства этого архиерея, перед которым склоняли головы даже его враги, митрополит Сергий, возможно, надеялся оставить епископа Луку на Туркестанской кафедре, тем самым сохранив под своим омофором и его, и саму епархию, находившуюся под сильным воздействием обновленцев и автокефалистов-андреевцев. Неудача с назначением архиепископа Дионисия показала, что, проводя смену архиерея более настойчиво, можно не только усугубить кризис в управлении епархией. В тот момент реальной была опасность вовсе потерять ташкентскую паству и разорвать те нити, которые удерживали в легитимном пространстве вокруг Ташкента несколько десятков староцерковных общин, раскиданных на огромной территории бывшего Туркестанского края. Многое зависело от епископа Луки, но он в тот период не готов был ни к каким определенным решениям — ни в отношении своего статуса, ни в отношении к митрополиту Сергию. Полагая, именно поэтому митрополит Сергий вновь предпринял попытку его переместить. Теперь многое стало зависеть от того, кто придет на смену епископу Луке, — завоевать доверие ташкентской паствы, у которой отнимали любимого архиерея, было крайне сложно.

Кандидатами на Ташкентскую кафедру в то время могли быть только те архиереи, которым власти разрешили бы отправиться к месту назначения, либо те, кто уже проживал на территории епархии. В 1927 г. в ссылке в Средней Азии и Казахстане находилось более 25 архиереев, среди которых митрополит Новгородский Арсений был самым почтенным и авторитетным. В среднеазиатскую ссылку он был отправлен на три года по делу Патриарха Тихона вместе с архи-

²⁷ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

²⁸ Дорофеев Р. В. Храм великомученика Георгия в Самарканде // Восток свыше. Ташкент, 2014. № 3. С. 13.

²⁹ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 53. Л. 8 об. — 10 об.

епископом Никандром (Феноменовым) и П. В. Гурьевым. С весны 1924 г. митрополит Арсений проживал в Красноводске³⁰, возможно, с временными перемещениями по пересыльным пунктам, что было обычным для среднеазиатских ссыльных. Сведения о местах его проживания по окончании срока первой ссылки обрывочны и противоречивы. 28 февраля 1927 г., согласно М. И. Одинцову, «особое совещание при коллегии ОГПУ разрешило митрополиту Арсению свободное проживание в пределах Средней Азии, и спустя некоторое время он был переведен в Ашхабад»³¹. По другим данным, «в 1926 г. переведен в Ташкент, где и находился безвыездно до своей кончины», а свободное проживание разрешено 28 марта 1927 г.³² С тем, что митрополит Арсений проживал в Ташкенте с 1926 г., трудно согласиться, так как в самом начале 1927 г. он писал своему постоянно-му корреспонденту А. Ф. Кони, что обитает «на прежнем месте поселения на прежних условиях»³³. Как следует из контекста и из других писем, речь идет о Туркмении, которую он покинул лишь по окончании срока ссылки. О том, что митрополит Арсений сменил адрес, сообщил митрополит Сергей 18 мая 1927 г. на совещании для подготовки указа об учреждении и легализации Временного Патриаршего Синода: «Сверх присутствующих здесь мною приглашен также Преосвященный митрополит Новгородский Арсений [Стадницкий]. К сожалению, вследствие перемены им местожительства, письмо, посланное по старому адресу, очевидно, задержалось в дороге, и ответа от митрополита Арсения не получено»³⁴. Сбой в переписке был связан с пересылкой митрополита Арсения весной 1927 г. из Красноводска в Ашхабад, а затем в Ташкент³⁵.

У церковных историков мысль о «закономерности» назначения митрополита Арсения на Ташкентскую кафедру как бы напрашивается сама собой. Такая мысль возникала и у высшего церковного руководства — есть некоторые сведения, что в 1925 г. эту кафедру предлагал ему Патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский). Согласно неустановленному документу, цитата из которого часто приводится в трудах по истории Туркестанской епархии, тогда митрополит Арсений отказался с такой мотивировкой: «Мое имя слишком известно, может привлечь к себе ненужное внимание, откуда вместо пользы впоследствии вред церковному делу. Лучше благословите меня пока удалиться на покой»³⁶. Одним из мотивов отказа митрополита Арсения от назначения в Ташкент могло стать также его желание вернуться на Новгородскую кафедру. К концу ссылки надежды на возвращение у митрополита уже не было, о чем он при-

³⁰ Одинцов М. И. Арсений (Стадницкий), митрополит Ташкентский и Туркестанский. (1862–1936 гг.): Биографический очерк // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 141.

³¹ Там же.

³² Фотий (Нечепоренко), иером. Арсений // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 415.

³³ Одинцов М. И. Указ. соч. С.142.

³⁴ Цит. по: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 499.

³⁵ Не исключено, что ответ на предложение митрополита Сергея не был получен и по другой причине, о которой будет сказано ниже, но это не отменяет факта изменения его адреса весной 1927 г. Тема неучастия митрополита Арсения в этом и следующих мероприятиях нового курса высшей церковной власти требует отдельного исследования.

³⁶ Патрахин Л., прот., Лай П., прот. Указ. соч. С. 367.

кровенно писал в начале 1927 г. в упомянутом выше письме к А. Ф. Кони: «Через три месяца (28 марта) истекает срок трехгодичного моего курортного лечения. Что дальше будет — не ведаю. Думаю, что не возвратят к прежнему месту моего служения, а продлят еще срок моего лечения, с пребыванием здесь ли, или в другом месте. Во всем полагаюсь на волю Божию, всегда благую и спасительную»³⁷.

Вопрос о том, рассматривал ли митрополит Сергей в 1927 г. кандидатуру митрополита Арсения, предлагал ли ему Ташкентскую кафедру, остается открытым — фактических данных об этом не обнаружено. Известно только, что, не вступая на Туркестанскую кафедру до 1933 г., митрополит Арсений не отказывался от деятельного участия в жизни епархии. Он переписывался с митрополитом Сергием, обсуждая с ним церковную политику, в том числе и ташкентские проблемы, был близок к туркестанским архиереям и оказывал на них влияние. В конце концов именно по его совету епископ Лука согласился оставить Туркестанскую кафедру. Когда это произошло, неизвестно, из-за чего трудно предположить, почему был дан такой совет. Хрестоматийно его объясняют заботой о епископе, ссылаясь на фразу из письма митрополита Арсения митрополиту Сергию от 26 июля 1927 г.: «Преосвященный Лука очень хорош в Ташкенте, однако опасаясь, что уж слишком хорош. В будущем он может принести очень много пользы на ниве Божией. А покамест надо бы побережь его для лучших времен»³⁸. Совет «никуда не ехать, а подать прошение об увольнении на покой»³⁹ мог быть связан также с тем, что в 1927–1928 гг. митрополит Арсений, находясь в общении и переписке с митрополитом Сергием, тем не менее не торопился присоединяться к тем, кто сразу принял изменения в церковной политике. Подтверждение тому, что у митрополитов Сергия и Арсения были в это время серьезные разногласия, находим в книге Н. Ю. Фиолетовой. По ее словам, митрополит Арсений «был сослан в Ташкент за оппозицию м[итрополиту] Сергию. По этому вопросу главным образом и шла у него беседа с Н. Н. [Фиолетовым]⁴⁰. <...> В бытность свою в Ташкенте он был в упадочном настроении, считал положение Церкви крайне тяжелым, и когда, кажется, В. М. [Комаревский], в разговоре заметил, что “Врата адовы не одолеют ее”, он с горечью ответил: “Уже одолели”. Во время встречи двух владык в нашем доме — опального м[итрополита] Арсения и правящего м[итрополита] Никандра, разговор также все время велся о положении Церкви, об отношении к м[итрополиту] Сергию и его точке зрения на текущий момент и церковную политику. Видимо, эта встреча дала повод к обвинению Н. Н. [Фиолетова] в том, что он якобы является негласным консультантом по церковным делам при правящем митрополите. На следствии ему пришлось выяснять различие между официальной точкой зрения, защищавшейся

³⁷ Цит. по: Одинцов М. И. Указ. соч. С. 142–143.

³⁸ Владимир (Иким), митрополит. Указ. соч. С. 612.

³⁹ Красный террор в годы Гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Л. М. Суриса. М.; Берлин, 2015. С. 67.

⁴⁰ Николай Николаевич Фиолетов — профессор церковного права, член Поместного Собора, с 1924 по 1931 г. проживал в Ташкенте, преподавал в Среднеазиатском государственном университете.

м[итрополитом] Никандром, и оппозицией, в которой был Владыка Арсений»⁴¹. Хотя Н. Ю. Фиолетова в своих воспоминаниях не указывает дат или путает их, нет оснований сомневаться в том, что новой компромиссной церковной политики в 1927 г. владыка Арсений не принял. Это объясняет и его неучастие в то время в заседаниях Временного Св. Синода, и ограничение в передвижении границами Средней Азии после окончания срока ссылки, неслучайно Н. Ю. Фиолетова назвала его *опальным митрополитом*. Становится понятно, почему митрополит Арсений игнорировал распоряжения митрополита Сергия в отношении епископа Луки и дал ему совет подать прошение об увольнении на покой.

Митрополит Никандр был дружен с митрополитом Арсением, однако в отношении новой политики митрополита Сергия он принял другое решение. Свою позицию митрополит Никандр однозначно и прямолинейно выразил в письме к неустановленному лицу, написанном в Ташкенте, скорее всего, в конце декабря 1927 г. В этом письме разбирается поступок митрополита Иосифа (Петровых), не пожелавшего принимать назначение на Одесскую кафедру, с которой митрополит Никандр был перемещен на Ташкентскую: «Он [митрополит Иосиф] обвиняет м[итрополита] Сергия в незаконном его перемещении из Л[енингра]да в Одессу? Что же незаконного в этом перемещении по канонам церковным? Гражд[анская] власть выслала м[итрополита] Иосифа из Ленинградской гу[бернии] и тем самым лишила м[итрополита] Иосифа возможности свободно иметь общение и управление епархией. Но гражд[анская] власть ничего не имела против проживания м[итрополита] Иосифа в пределах Одесск[ого] округа. М[итрополит] Сергий, имея в виду благо Одесской епархии, и Ленинградской, назначает тогда м[итрополита] Иосифа управлять Одесской епархией, а меня, м[итрополита] Одесского, которому гражданская власть воспретила жить в пределах Одесской епархии (как м[итрополиту] Иосифу в пределах Ленинградской), назначил управлять Ташкентской еп[архией], в коей мне разрешено проживание гражд[анской] властью. Получив известие о перемещении меня из Одесской еп[архии] в Ташкентскую, я так рассудил: для удобства управления епархией и для пользы дела церковного целесообразнее жить управляющему в пределах епархии, а не за тридевять земель от нее. Лично для меня, пожалуй, выгоднее было бы называться и считаться Одесским митроп[олитом], не управляя Одесской еп[архией] под благовидным предлогом ограничения моих гражд[анских] прав места жительства. И, таким образом, под этим же предлогом стоять в стороне от церк[овных] дел, критиковать церк[овных] деятелей, сам ничего не делая, быть в глазах толпы исповедником, не запятанным в это тяжкое время церковной смуты невольными ошибками (как не участвующий в церковной деятельности). <...> Но, рассуждал я далее, я монах, послушание для монаха паче поста и молитвы. Выш[шая] ц[ерковная] власть видит, что полезнее для Церкви: оставаться ли мне в бездействии, живя вдали от епархии, когда требуется от епарх[иального] архиерея личное пребывание в епархии и трудиться в ней с напряжением всех своих сил духовных и телесных в церк[овном] управлении, или же трудиться в меру себя и разумения своего на новом месте, живя в пределах новоданной мне епархии? И если волос с головы нашей не падает без воли

⁴¹ Фиолетова Н. Ю. Указ. соч. С. 67–68.

Отца Нашего Небесного, то мое назначение на новую епархию состоялось, конечно, не без воли Божьей. Да будет же, Господи, твоя воля, а не моя! Заключил я свое размышление и монашеским послушанием принял новое свое назначение с лучшей епархии на худшую. С знаменитой кафедры — на малоизвестную. Так я рассудил, не по-Иосифовски. М[итрополит] Иосиф, видно, иначе мыслит. Он думает, очевидно, что не архиерей для епархии, а епархия для архиерея. <...> Что касается митр[ополита] Сергия, то я в его действиях не вижу ничего вредного для православной веры и православной Церкви. Он действует как истинный сын ее, строго руководствуясь церковными канонами, в знании и понимании которых ему уступили первенство все наши лучшие иерархи»⁴².

В процитированном выше письме митрополит Никандр очень определенно заявил, что у него было не только полное признание полномочий заместителя Патриаршего местоблюстителя, не только желание (*монашеское послушание*), но и возможность принять его назначение. Осенью 1927 г. митрополит Никандр находился в Средней Азии после своей второй ссылки. В некоторых хрестоматийных жизнеописаниях встречаются недокументированные и недатированные упоминания о том, что он получил назначение на Ташкентскую кафедру, находясь в ссылке⁴³. В последние годы появились публикации, позволяющие обосновать и уточнить это мнение.

После освобождения в конце 1925 г. из первой среднеазиатской ссылки архиепископ Никандр находился в Москве под подпиской о невыезде⁴⁴ и не мог последовать назначению на Одесскую кафедру *из-за ограничения гражданских прав места жительства*. Эти слова могли относиться и ко второй среднеазиатской ссылке, в которую он был отправлен, скорее всего, в 1926 г. Из писем ссыльного диакона (затем священника) Михаила Шика узнаем, что с ним в Турткуле в 1927 г. недолгое время проживал митрополит Никандр. Каракалпакский город Турткуль был во второй половине 1920-х гг. местом пересылки — осужденных священников и архиереев привозили сюда из Чарджоу (ныне г. Туркменабад) по Амударье на пароходе группами, потом отправляли либо обратно, в центр, либо на лодках вниз по реке в глубь Каракалпакии. Дьякон Михаил описывал несколько таких групп по 3—12 человек, среди которых было немало архиереев. К сожалению, время прибытия в Турткуль митрополита Никандра не зафиксировано, но это не могло произойти ранее 10 октября 1926 г. В этот день дьякон Михаил написал жене: «Я остался в Турткуле из православного духовенства один. Остальные сегодня в ночь увезены ниже по реке. Вл[адьки] Герман [(Ряшенцев)] и Валер[иан (Рудич)] — в Ходжейли, Скворцов [священник Иоанн] — в Кунгард, остальные батюшки в Чимбай. <...> Все антиминсы увезены уехавшими... Мне оставили Запасных Даров на ½ года»⁴⁵.

⁴² Цит. по: Алчущие правды: материалы церковной полемики 1927 года... С. 335–336, 338.

⁴³ Д. Н. Н. Никандр // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2018. Т. 49. С. 399.

⁴⁴ Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Л. М. Сурица. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 499.

⁴⁵ Непридуманнные судьбы на фоне ушедшего века. Письма М. В. Шика (свящ. Михаила) и Н. Д. Шаховской-Шик. М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2016. Т. 2.

В конце 1926 г. в Турткуль прибыла еще одна партия ссыльного духовенства. 23 января 1927 г. отец Михаил поселился в одном доме с епископом Никодимом (Кротковым) и священником Александром Неудакиным⁴⁶. В течение двух зимних месяцев сообщения по Аму-Дарье не было. Самые первые в 1927 г. ссыльные появились в Турткуле в конце февраля, пробыв в дороге на лодке «под открытым небом в мороз 46 суток»⁴⁷. 3 марта диакон Михаил написал: «К нам прибыло 4 дня назад еще 3 собрата, и помолились с нами вместе. Это прибытие в духовном отношении мне радостно, п[отому] ч[то] один из новых сожителей из г[орода] Вятки очень родственен мне по духу, да и другие — очень славные люди»⁴⁸. Может быть, именно с этой партией вместе с вятским священником протоиереем Вячеславом Фокиным прибыл в Турткуль митрополит Никандр, бывший перед недолгим пребыванием на Крутицкой кафедре архиепископом Вятским и Слободским. Не исключено также, что митрополит Никандр оказался в Турткуле позже, в апреле, когда туда приезжало особенно много ссыльного духовенства, среди которых было несколько архиереев⁴⁹. Затем переписка прервалась, потому что 15 мая жена диакона Михаила, Наталья Шик-Шаховская, которой были адресованы письма, приехала с маленьким сыном Сергеем в Турткуль. Здесь она познакомилась с митрополитом Никандром, который проживал в отдельном от них доме семьи Ивановых. 12 июня 1927 г. в Турткуле епископ Никодим (Кротков) рукоположил диакона Михаила Шика во иерея; митрополит Никандр присутствовал при этом и выдал отцу Михаилу удостоверение о хиротонии.

Матушка Наталья Шаховская покинула Турткуль 1 июля 1927 г. на пароходе. В пути она писала мужу, рассказывая среди прочего и о митрополите Никандре, выехавшем из Турткуля тем же пароходом. Для нас эти бытовые заметки ценны, так как в них раскрываются некоторые черты характера митрополита, до сих пор недостаточно известного его биографам. «Вчера угощала им [киселем] и Вл[адыку Никандра], который мясной суп не ест “без крайности” и почти ничего не ест, но он очень деликатный и стесняется — его трудно чем-ниб[удь] угостить. Он, оказывается, и у Ивановых сидел б[ольшей] ч[астью] на сухомятке, п[отому] ч[то] там все мясное <...>. Влад[ыка Никандр] все с ним [сыном Сергеем] шутит и рассказывает ему всякие небылицы про тигров, на которых они собираются охотиться, Сережа ему верит»⁵⁰. 12 июля, следуя уже поездом из Чарджоу в Москву, Наталья Шаховская сообщала супругу: «Вл[адыка] Никандр шлет низкий поклон и просит о благословении»⁵¹. К этому времени они уже несколько дней как расстались — митрополит Никандр сошел с поезда в Ташкенте. О его дальнейшей судьбе жене сообщал сам иерей Михаил Шик 22 августа 1927 г.: «Тебе, вероятно, интересно узнать о судьбе того твоего пароходного спутника, кот[орый] остался в Ташкенте. Он переехал на жительство в Ашхабад, где

С. III.

⁴⁶ Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века... С. 264.

⁴⁷ Там же. С. 305.

⁴⁸ Там же. С. 304.

⁴⁹ Там же. С. 343–344, 353.

⁵⁰ Там же. С. 367–368.

⁵¹ Там же. С. 375.

Сазоновы, и пишет, что доволен, хотя там жара до 80°C. На пути в Ашхабад у него в поезде украли корзину с бельем и одеждой. Вот бедняга! Ведь у него нет жены, которая сошьет новое!»⁵²

Согласно процитированным выше письмам, митрополит Никандр, проведя в ссылке в Турткуле несколько месяцев, покинул его 1 июля 1927 г., недолго в июле—августе проживал в Ташкенте, а затем отправился назад в Туркмению. Нет никаких сведений о том, что он посещал Москву с 1925 г., когда был возведен в сан митрополита и назначен на Одесскую кафедру, до осени 1929 г., когда во Временном Патриаршем Синоде делал доклад о положении дел в Туркестанской епархии. Видимо, именно в Ашхабаде митрополиту Никандру стал известен подписанный 17 сентября 1927 г. указ о его переводе с Одесской кафедры на Ташкентскую. Надеемся, что в будущем объявятся документы, подтверждающие, что митрополит Никандр с 1926 по 1929 г. находился в ссылке в Средней Азии (Турткуль—Ташкент—Ашхабад), получив осенью 1927 г. (скорее всего, в сентябре, вместе с Ташкентской кафедрой) право перемещения по республикам Средней Азии и Казахстану, а в 1929-м — возможность поехать в Москву. Пока примем это за гипотезу.

Вступив в управление Туркестанской епархией, митрополит Никандр поселился в Ташкенте. Несмотря на то что в ходе советских преобразований столицей Узбекистана в это время стал город Самарканд, кафедра правящего архиерея оставалась в старой столице Туркестанского края. Первое время приличного жилья у митрополита Никандра не было — он, как и все ссыльные архиереи, искал приют у благодетелей или снимал комнату. По словам современных православных ташкентцев, ссыльные архиереи и священники проживали в Ташкенте в убогих саманных домиках в снесенных ныне кварталах за городским кладбищем на Боткинской улице (так называемое Боткинское кладбище). Нередко они не могли снять даже самую дешевую квартиру из-за страха домовладельцев быть привлеченными по «церковному делу». Тогда священники и архиереи проживали по несколько человек в самых стесненных условиях. Вот как описывает одну из таких «архиерейских квартир» протоиерей Владимир Тимаков: «У отца Александра Щербова была в городе какая-то комната, небольшая келлия <...> В ней стояла кровать, около кровати — небольшое место, еще тумбочка маленькая, чтобы на ней что-то можно было приготовить <...> когда владыки [митрополиты Арсений и Никандр] прибыли в ссылку, у них не было тут никакого угла. Тогда протоиерей Александр Щербов с любовью распростер им свои объятия и говорит: “Что у меня есть — могу вам предложить... Постель, конечно, не Бог весть какая, но придется вам, двум митрополитам, на нее и водрузиться! А я около ваших ног, здесь вот, на полу, буду сидеть”. Так они и жили какое-то время <...> Случилось же однажды так, что отец Александр Щербов заболел. Ведь все это время он спал на полу, может быть, и простудился... Тогда два митрополита проявили свою власть: уложили его на кровать, а сами улеглись на полу»⁵³. Не-

⁵² Непридуманнные судьбы на фоне ушедшего века... С. 427.

⁵³ Бульчук Н. В Ташкенте: Рассказы протоиерея Владимира Тимакова // Православие.ру. URL: <http://www.pravoslavie.ru/117715.html> (дата обращения: 15.08.2020)

смотря на то что воспоминание не датировано⁵⁴, а образы архиереев несколько мифологизированы, не стоит сомневаться в правдивости этого рассказа — образ жизни архиереев в Средней Азии был именно таким.

Кроме митрополита Арсения ближайшим и одним из самых деятельных помощников митрополита Никандра в Ташкенте стал упоминавшийся выше протоиерей Михаил Андреев. В оппозиции правящему архиерею оставался епископ Лука, который не принял перемещения на Елецкую кафедру, следовавшее 5 октября 1925 г. (не одновременно, а после назначения митрополита Никандра), и какое-то время еще титуловался Ташкентским и Туркестанским. Сторонники епископа Сергия (Лаврова) и все вспыльчивые почитатели епископа Луки, которые готовы были закидать тухлыми яйцами архиепископа Дионисия (Прозоровского) и всячески поносили протоиерея Михаила, также оставались на своих местах. На них на всех в Ташкенте был один Сергиевский храм. Это те обстоятельства, при которых вступил в управление Туркестанской епархией митрополит Никандр. Его разнообразная плодотворная деятельность на Туркестанской кафедре, на которой он оставался до своей смерти 3 марта 1933 г., заслуживает отдельного исследования. Здесь же, чтобы показать особенности его стиля управления и те способы, которыми он умиротворил свою паству, завершим ташкентский сюжет.

Для преодоления кризиса в управлении епархией необходимо было прекратить далеко зашедшее противостояние двух главных вдохновителей ташкентских партий. Протоиерея Михаила Андреева в окружении епископа Луки называли безблагодатным, еретиком и другими более грубыми словами, не признавали снятия с него запрещения митрополитом Сергием. С другой стороны следовал симметричный ответ — приверженцы протоиерея Михаила «дозволяли себе дерзкие и оскорбительные выходки в Куйлюкском храме⁵⁵ во время богослужения против Епископа Луки, в настоящее время гостя на Куйлюке, называя его в лицо живоцерковником, и грубо относятся к останавливающим их членам совета и общины»⁵⁶. Члены приходского совета просили митрополита Никандра принять меры, иначе угрожали «прибегнуть к помощи С[оветской] Власти»⁵⁷. Подобные бесчинства в церквях и жалобы могли стать поводом для ликвидации общины и закрытия храма.

Но разрешение конфликта затягивалось, потому что противодействие митрополиту Никандру со стороны членов приходского совета кафедрального Сергиевского храма, а особенно «лукинисток», этих самых ярых «защитниц» владыки Луки, было очень сильным и постоянным. Эти невежественные, но крайне активные люди называли митрополита Никандра оскорбительными словами,

⁵⁴ Автор воспоминаний однозначно относит этот случай к Ташкенту, но не исключено, что он мог произойти в Красноводске или в Ашхабаде, так как прот. Александр Шербов с 1923 по 1926 г. служил в церкви г. Красноводска, затем, до 1929(?) г., — в Ашхабаде и затем только — в Ташкенте.

⁵⁵ Куйлюкский храм, или церковь на Куйлюке — так называли Успенский храм в с. Куйлюк близ Ташкента. Эта церковь, бывшая ранее монастырской, оставалась в ведении староцерковного духовенства.

⁵⁶ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 65. Л. 407.

⁵⁷ Там же.

уверяли, что он «тонко ведет народ к обновленцам»⁵⁸, «что через 2–3 месяца “Никандра у нас не будет” и что напрасно “мы” его пустили в храм, надо было поступить так, как поступили с животоцерковником Дионисием»⁵⁹. Весь 1928 год, и даже в 1929-м митрополит Никандр получал «идущие от дома Е[пископа] Луки угрозы <...> “как Вы смели служить с еретиком”» и требования запретить протоиерея Михаила в служении⁶⁰. Когда митрополит Никандр выходил на амвон с проповедью, «лукинистки» демонстративно покидали храм со словами «не дает говорить нашему Владыченъке Луке»⁶¹. Да и остальные прихожане массово шли под благословение к находящемуся на покое епископу Луке в то самое время, когда правящий архиерей в непосредственной близости произносил проповедь, служил молебен или стоял с крестом на солее. С требованиями восстановить права епископа Луки, с различными угрозами и ультиматумами прихожанки Сергиевской церкви являлись к митрополиту Никандру домой, он долго беседовал с ними, но возмущение не утихало. Митрополит Сергей 31 августа 1928 г. писал митрополиту Никандру о неоднократных случаях «прошений от почитателей Е[пископа] Луки об оставлении его в Ташкенте» и о том, что сам епископ Лука писал ему: «Если бы я мог оставаться в Ташкенте, то был бы способен нести архиерейское служение, может быть, еще долго»⁶². Все это подогревало слухи о незаконном смещении епископа Луки и о необходимости возвращения его на Ташкентскую кафедру.

Летом 1928 г. протоиерей Михаил Андреев в письме митрополиту Сергию сообщал, что «положение митр[ополита] Никандра тяжелое, он одинок и действия Е[пископа] Л[уки] он переживает очень болезненно. Еще ужасно, что только один храм у нас — будь другой — Вл[адыка] Никандр не остался бы в Сергиев[ском] храме ни минуты»⁶³. Может быть и так, но мы пока не обнаружили высказываний самого митрополита Никандра или других источников, дающих основания судить о его личном отношении ко всему перечисленному выше. Скорее всего, протоиерей Михаил приписывал архиерею свои чрезвычайно болезненные чувства. Более близким к истине представляется другое его мнение. В той же жалобе митрополиту Сергию он писал, что митрополит Никандр «в своей пассивной простоте думает все превозмочь временем и благородством»⁶⁴. Протоиерей Михаил, требовавший применения немедленных репрессивных мер к обидчикам, нередко удивлялся деликатному обращению митрополита Никандра с епископом Лукой и тому, с каким терпением он переносил неподобающие выходки и клевету некоторых дерзких прихожан.

Зримым свидетельством истинного примирения епископа Луки и протоиерея Михаила могло бы стать их совместное богослужение. На то, чтобы оно

⁵⁸ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 65. Л. 4 об.

⁵⁹ Там же. Д. 53. Л. 10 об.

⁶⁰ Там же. Д. 11.

⁶¹ Там же. Л. 10 об.

⁶² Там же. Д. 63. Л. 29.

⁶³ Там же. Д. 65. Л. 8.

⁶⁴ Там же. Л. 8.

состоялось, у митрополитов Сергия, Никандра и помогавшего им Арсения⁶⁵ ушло полтора года. Протоиерей Михаил, хоть и просил большего (а именно публичной сатисфакции), но всегда был готов к сослужению. Но епископ Лука — нет. Признав в конце концов полномочия и правоту митрополитов Сергия и Никандра, соглашаясь с необходимостью искреннего публичного примирения всех сторон, он с трудом преодолевал разлад, а служить в немирном состоянии, очевидно, не мог.

Чтобы понять, скольких трудов стоило митрополиту Никандру организовать это сослужение, процитируем отрывок из письма протоиерея Михаила митрополиту Сергию за 1928 г.: «В воскресенье о слепом Вл[адыка] Никандр предложил Е[пископу] Луке послужить с ним и Митр[ополитом] Арсением в день Св. Троицы — Лука отказался. На повторное предложение, что, мол, в Троицу прилично и нам “троим” служить — Е[пископ] Лука категорически отклонил и эту просьбу»⁶⁶. В день Вознесения митрополит Никандр предложил епископу Луке служить одному — он вновь отказался. В храм на праздник в архиерейском облачении епископ Лука все-таки пришел, стоял службу, но в алтарь не входил и просил у правящего архиерея разрешения причаститься⁶⁷. Это был не единственный случай, когда епископ Лука отказывался сослужить митрополиту Никандру и создавал для него непростые этические проблемы.

Наконец, 9 июня 1929 г. в Успенском пригородном храме «на Куйлукке» состоялось богослужение, ознаменовавшее примирение «партий» староцерковной общины Ташкента. В дальнейшем епископ Лука просил разрешения на служение у правящего архиерея. Когда митрополит Никандр уезжал в Москву, для того чтобы принять участие в заседаниях Временного Патриаршего Синода, такое разрешение церковный совет или староста церкви запрашивали по телеграфу. Таким образом, взаимоотношения между архиереями были введены в каноническое русло, авторитет митрополита Никандра был утвержден, его права признаны и духовенством, и приходскими советами. Противостояние, если и оставалось, ушло под спуд, и о скандальных историях с публичным оскорблением духовенства после лета 1929 г. у нас сведений нет.

Митрополит Никандр, покорно приняв назначение *с лучшей* Одесской кафедры на *худшую* Туркестанскую помог не только митрополиту Сергию, пытавшемуся с осени 1926 г. преодолеть кризис в управлении Туркестанской епархией и сохранить ее под своим омофором. Благодаря самоотверженности, уму и тактичности нового Туркестанского архиерея, епископ Лука и почитавшее его духо-

⁶⁵ Об участии в этом деле митрополита Арсения пишет митр. Владимир (Иким), цитируя письмо митрополита Сергия к митрополиту Арсению: «“Высокопреосвященный Владыко! Сообщают мне о возникшем в Ташкенте несогласии между достойными служителями Церкви, митрополитом Никандром и епископом Лукою, протоиереем М. Андреевым. Во всем этом не нахожу ничего, кроме взаимного неразумия. Усердно прошу Вас употребить Ваше влияние для того, чтобы остудить горячие головы. Испрашивая молитв Ваших, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою. Митрополит Сергей”. Митрополит Арсений вмешался, и ему удалось утихомирить страсти, разжигаемые “лукинистками”» (Владимир (Иким), митр. Указ. соч. С. 618).

⁶⁶ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 65. Л. 6 об.

⁶⁷ Там же.

венство с их паствой не ушли в раскол. Твердостью своих взглядов и безупречной аскетической жизнью митрополит Никандр заслужил уважение среднеазиатских верующих, получивших ориентир в море противоречивых мнений о церковном устройстве, увидевших пример сохранения в любых условиях высоких идеалов христианской нравственности. Митрополит Никандр успешно боролся с обновленчеством, подыскивал места служения для ссыльного духовенства, по заслугам награждал священников, покровительствовал монашествующим, проводил обстоятельные беседы с мирянами, оказывал помощь в организации и регистрации приходов, количество которых в Туркестанской епархии к 1931 г. увеличилось на одну треть⁶⁸. Потрудившись «с напряжением всех своих сил, духовных и телесных, в церковном управлении», митрополит Никандр несомненно укрепил Туркестанскую епархию.

Список литературы

- Алчущие правды: материалы церковной полемики 1927 года / сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М.: ПСТГУ, 2011.
- Беглов А. Л. Епархии и епископы Российской Церкви в 1927 году, или Почему митрополит Сергей (Страгородский) стал перемещать епархиальных преосвященных? // Альфа и Омега. 2007. № 2(49). С. 169–189.
- Зими́на Н. П. Викарии Уфимской епархии 1920-х годов: священномученик Вениамин (Троицкий; 1901–1937) // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы. М., 2004. С. 323–349.
- Зими́на Н. П. Непарадный портрет: Архиеп. Дионисий (Прозоровский) в духовной истории России XX в. // Уральские Бирюковские чтения. Челябинск, 2006. Вып. 4. Ч. 2. С. 356–362.
- Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века. Письма М. В. Шика (свящ. Михаила) и Н. Д. Шаховской-Шик / публ. Е. М. Шик. М., 2016. Т. 2.
- Одинцов М. И. Арсений (Стадницкий), митрополит Ташкентский и Туркестанский. (1862–1936 гг.): Биографический очерк // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 109–145.
- Фиолетова Н. Ю. История одной жизни // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. Вып. 9. С. 7–105.
- Ходаковская О. И. «Как мелко, глупо то, чего я домогался...» Взлеты и падения епископа Сергея (Лаврова) // Восток свыше. 2016. № 1–2 (XL). С. 13–24.

⁶⁸ Озмитель Е. Е. Туркестанская епархия при митрополите Никандре (Феноменове) (1927–1933 гг.) // XXX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. М., 2020. С. 111–117.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-
Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta.
Seriia II: Istoriiia. Istoriiia Russkoi
Pravoslavnoi Tserkvi.
2020. Vol. 97. P. 137–156
DOI: 10.15382/sturII202097.137-156

Ozmitel Ekaterina,
Doctor of Sciences in History,
Senior Researcher,
Research Centre for Modern History
of Russian Orthodox Church
St. Tikhon's Orthodox University for Humanities
6/1 Likhov per., Moscow,
127051, Russian Federation
katerina.ozmitel@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3671-9493

ARCHBISHOP-NOVICE FOR TURKESTAN DIOCESE: THE ISSUE OF METROPOLITAN NIKANDR'S (FENOMENOV) APPOINTMENT TO TASHKENT SEE IN 1927

E. OZMITEL

Abstract: The article reconstructs the history of the Orthodox Turkestan diocese in 1925–1929 in order to answer the following questions: why Metropolitan Sergius (Stragorodsky) decided to replace its ruling Bishop Luka (Voino-Yasenetsky), why Metropolitan Nikandr (Fenomenov) became the new Turkestan Bishop, and what gave this appointment to the faithful of Central Asia. Serious problems that arose in the management of the Turkestan diocese in 1925–1927 are comprehended in the article based on archival documents from the Fund of Metropolitan Nikandr (Fenomenov), stored in the Central State archive of the Republic of Uzbekistan, as well as on the basis of narrative sources (memoirs and letters). The crisis of legitimacy and legality of Church administration was common to the entire Russian Orthodox Church at that time, was caused by repressive policies and gross interference by soviet authorities in internal Church affairs. This crisis was aggravated in Central Asia by many specific factors. Serious conflicts caused the interim administration of the Turkestan diocese in 1925 by Bishop Sergius (Lavrov), who sometimes evaded the schism, then returned to Patriarch Tikhon, and also the activities of Bishop Andrew (Ukhtomsky), who created a secret autocephalous hierarchy not only for his Ufa believers, but also for the Turkestan ones. Bishop Luke, returning from exile in early 1926, tried to restore Church unity by reconciling the warring parties, but did not succeed. In addition, there was a fierce confrontation between Bishop Luka and Archpriest Mikhail Andreev. Quarrels among the clergy, inappropriate actions and complaints of parishioners gave the Renovationists reasons to discredit the clergy of «Tikhon's Church». Metropolitan Sergius (Stragorodsky) tried to correct the situation at the end of 1926 and beyond, but neither the ruling Bishop nor the Tashkent congregation recognized his appointments. Bishop Luke, continuing to be called Tashkent and Turkestan until the autumn of 1927, was in an uncertain state in relation to the highest Church leadership and the administration of his diocese. Then he resigned, remaining to live in Tashkent. After the Declaration of 1927 Bishop Luke was inclined to stop communicating with Metropolitan Sergius; possibly it was the influence of Metropolitan Arseny (Stadnitsky). Therefore, in September 1927, Metropolitan Sergius once again decided to replace its ruling Bishop, in order not to lose the Turkestan diocese. Metropolitan Nikandr (Fenomenov) agreed to

become one — being in Ashgabat after his second exile, he did not have the opportunity to follow the appointment to the Odessa Chair. After entering the administration of the Turkestan diocese, Metropolitan Nikandr served in the only orthodox St. Sergius church in Tashkent at that time. He faced the hostility of its parishioners, who continue to consider Bishop Luka the ruling Bishop. Gradually, Metropolitan Nikandr managed to reconcile the warring parties, restore the correct attitude of the clergy and parishioners to the local and higher Church authorities. He promote the registration of parishes, the number of which increased by a third under him.

Keywords: The Russian Orthodox Church in Central Asia, the Declaration of 1927, the persecution of The Church in the Soviet Union, exiled clergy in Turkmenistan and Uzbekistan, Metropolitan Arseny (Stadnitsky), Metropolitan Nikandr (Fenomenov), Archbishop Luke (Voino-Yasenetsky), Archbishop Dionysius (Prozorovsky).

References

- Beglov A. (2007) “Eparhii i episkopy Rossijskoj Cerkvi v 1927 godu, ili pochemu mitropolit Sergij (Stragorodskij) stal peremeshchat’ eparhial’nyh preosvyashchennyh?” [Dioceses and bishops of the Russian Church in 1927, or why Metropolitan Sergius (Stragorodsky) began to move bishops?]. *Al’fa i Omega*, 2 (49), p. 169–189 (in Russian).
- Fioletova N. (1992) “Istoriya odnoj zhizni” [History of one life]. *Minuvshee*, 9, p. 7–105 (in Russian).
- Khodakovskaya O. (2016) «Kak melko, glupo to, chego ya domogalsya...» Vzlety i padeniya episkopa Sergiya (Lavrova) [“How small, stupid is what I was trying to achieve...” The ups and downs of Bishop Sergius (Lavrov)]. *Vostok svyshe*, 1–2 (XL), p. 13–24 (in Russian).
- Mazyrin A., Kosik O. (eds) (2011) *Alchushchie pravdy: materialy cerkovnoj polemiki 1927 goda* [Hungry for truth: materials of the church polemics of 1927]. Moscow (in Russian).
- Odintsov M. (2002) “Arsenij (Stadnickij), mitropolit Tashkentskij i Turkestanskij. (1862–1936 gg.). Biograficheskij ocherk” [Arseny (Stadnitsky), Metropolitan of Tashkent and Turkestan (1862–1936). Biographical sketch]. *Cerkovno-istoricheskij vestnik*, 9, pp. 109–145 (in Russian).
- Shik E. (ed.) (2016) “Nepridumannye sud’by na fone ushedshogo veka. Pis’ma M.V. Shika (svyashch. Mihaila) i N.D. Shahovskoj-Shik” [Non-fictional fates against the background of the past century. Letters of M. V. Shik (priest Mikhail) and N. D. Shakhovskaya-Shik]. Vol. 2. Moscow (in Russian).
- Zimina N. (2004) “Vikarii Ufimskoj eparhii 1920-h godov: svyashchennomuchenik Veniamin (Troickij; 1901–1937)” [Vicars of the Ufa diocese of the 1920s: Hieromartyr Veniamin (Troitsky; 1901–1937)], in *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya PSTBI* [Annual theological conference of PSTBI: materials of 2004]. P. 323–349 Moscow (in Russian).
- Zimina N. (2006) “Neparadnyi portret: Arkhiep. Dionisii (Prozorovskii) v dukhovnoi istorii Rossii KhKh v.” [Casual portrait: Archbishop Dionysius (Prozorovsky) in the spiritual history of Russia in the twentieth century]. *Ural’skie Biriukovskie chteniia*, 4, 2, p. 356–362 (in Russian).